

Шелер Макс. Проблемы социологии знания. М., 2011. 303 С.

Эта книга уже давно считается классической. Она была издана на немецком языке в 1924 году и представляла собой теоретическое введение к коллективному сборнику «Опыты по социологии знания» (*Versuch zu einer Soziologie des Wissens. München. 1924*). В этом сборнике помимо Шелера приняли участие и его ученики - П.Хонисхейм, П. Л.Ландсберг, Х.Плесснер, В.И.Штейн, Л. Фон Визе и др. Перевод этой книги Шелера сопровождается послесловием А.И.Малинкина, в котором анализируется история создания этого труда Шелера, место социологической концепции Шелера в контексте всей его философии. Я не буду касаться исходных расчленений социологии Шелера – социологии реальности и социологии культуры, в которую входят и его исследование социологии знания. Выделю лишь несколько мыслей Шелера, сохраняющих, по моему, свою актуальность.

Во-первых, его идеи о возможном синтезе западной (европейских) и азиатской культур. В соответствии с идеями Шелера, западная культура ориентирована преимущественно на овладение природы с помощью техники и науки, на технизм, в котором погружена и наука. Азиатские культуры, наоборот, разрабатывают технику души и внутреннюю витальную технику. По оценке Шелера, «западный, внешне-природный технизм и его коррелят в знании, позитивная наука, угрожают встроить самого человека как раз в тот механизм вещей, над которым он должен господствовать, так что этот процесс без баланса двух противоположно направленных принципов знания и власти, составляющих смыслологически единое целое, может закончиться лишь закатом западного мира» (С. 153). Как мыслит Шелер новый синтез культур знания и техник остается не ясным, хотя он настаивает на том, что европейские культуры должны двигаться от материи к душе, а азиатские – от души к материи. Можно поспорить с этим фундаментальным тезисом Шелера: пока мы видим лишь рецепцию и трансплантацию западно-европейской технонауки азиатскими культурами. Именно таким образом происходило инновационное развитие науки и техники в Японии, Малайзии, Южной Корее и в ряде других стран юго-восточной Азии. Никакой конвергенции европейских и азиатских культур не произошло в XX веке. Более того, к рубежу нового XXI века противостояние этих культур усилилось и создается впечатление, что в этом веке нас ждет конфликт культур, мировых религий и мировоззрений.

Во-вторых, критикуя позитивизм и релятивизм, Шелер развертывает свое понимание науки и ее тяготения к метафизике. В этой связи он обращается к преобразованию идеи причинности в квантовой механике и различает механическую и телеологическую причинности (с. 161-163). Метафизика в конечном счете трактуется им как метафизика ценностей.

В-третьих, он вводит ряд аксиом социологии знания: априорность знания каждого человека, реализация знания зависит от сущностной структуры социальной группы, которые представляют собой идеальные типы, а не эмпирические группы, существует твердый закон порядка сфер знания и коррелятивных им предметных сфер. С этим принципом социологии знания связано и его различение сфер бытия (священного, истории, внешнего и внутреннего миров, мира тел) и соответствующих форм знания.

В своем послесловии А.Н. Малинкин полемизирует с оценками творчества Шелера, которые были даны недавно скончавшимся социологом Ю.Н.Давыдовым. Давыдов, упрекая Шелера в умозрительном систематизаторстве, противопоставлял его социологию учению М.Вебера, понимавшего социологию как исследование. То, что на

страницах книги Шелера нередко можно встретить упрощенные схемы и вульгаризмы, несомненно. Приведу лишь несколько примеров. Так, досократическую натурфилософию он оценивает как колониальную (с. 93), вся метафизика Запада характеризуется им как «городское мышление» (с.93), немецкая философия – это выражение мировоззрения среднего евангелического бюргерства (с.94). В меньшей степени этот схематизм присущ и рассуждениям Шелера о низших и высших типах мышления, где он оценивает проспективизм как сознание высшего класса, а ретроспективизм – низшего класса, приоритет становлению якобы присущ высшему классу, бытию – низшему классу и т.д. (См. с.189-190). И его рассуждения о классово обусловленных восприятиях и мировоззрениях также являются, по моему, вульгаризмами. Но в историю социологии Шелер вошел не этими схематизмами и вульгаризмами. Он создал перспективный вариант социологии знания, который был укоренен им в философской антропологии. В этом одна из важнейших особенностей философии и социологии М.Шелера.

Можно надеяться, что отечественный читатель сможет познакомиться и с другими работами немецкого социолога, имеющими непосредственное отношение к социологии знания такими, как «Труд и мировоззрение», «Познание и труд. Исследование о ценности и границах прагматического мотива в познании мира», «Формы знания и общество».

Владимир Кирсанов. Избранные труды. Воспоминания коллег и друзей. Стихи. Рисунки. М.,2010. 231 С.

В отечественном философском и научном сообществе возродилось издание избранных работ недавно скончавшихся ученых и воспоминаний о них. В советский период такого рода издания «*In Memoriam*» или «*In Honor*» были просто немыслимы. Такого рода издания – не просто дар памяти, но и стремление осмыслить недавнюю историю, показать своеобразие личности того или иного ученого, выяснить то, чем же привлекательны его книги, статьи и выступления.

Владимир Семенович Кирсанов (26.12. 1936-12.05.2007) защитил кандидатскую диссертацию «Новые методы измерения сверхмощных потоков нейтронов» в 1969 году. Она до сих пор сохраняет свою ценность – на нее ссылаются, хотя, конечно, ядерная физика ушла далеко вперед. Его докторская диссертация была посвящена «Ранней истории «Начал» И.Ньютона» и он защитил ее в 1999 г. В 1971 году он стал работать в Институте истории естествознания и техники АН СССР в секторе истории механики. Там я и встретился с ним. ИИЕиТ представлял собой собрание различных сотрудников – от сыновей и внуков больших советских чинуш до бывших ээка и «подписантов». Важно то, что коллектив ИИЕиТа был работающим коллективом: выходили различные серии книг («Науковедение», «Системные исследования», «Методологические принципы физики», «Энциклопедия истории естествознания» - в ней и вышла книга В.С.Кирсанова «Научная революция ХУП века»),. Мне было известно, что Владимир интенсивно занимался творчеством И.Ньютона. Никогда не забуду встречу с ним в его квартире, где он мне показывал экземпляр первого издания Ньютона «Математические начала натуральной философии» (Лондон, 1687) с пометами на полях книги, хотя считалось, что в России не было ни одного экземпляра первого издания книги Ньютона (этим объясняется то, что экземпляр первого издания был подарен Королевским обществом Англии АН СССР в 1943 г. на трехсотлетнем юбилее Ньютона). С какой бережливостью он держал в руках этот экземпляр и с каким воодушевлением он рассказывал мне об истории его появления в России и

обнаружения его. Обо всем он написал в статье «Аннотированный экземпляр первого издания «Начал» И.Ньютона в библиотеке Московского университета», которая вошла в рецензируемый сборник. Он расшифровал цифры, клейма и гербовые книжные знаки, существовавшие на этом издании, разыскал в Ленинградском отделении архива Академии наук СССР фонд, посвященный печатям Петербургской академии и показал, что этот экземпляр принадлежал генерал-фельдмаршалу Я.Брюсу, и был отправлен в середине 30-х годов ХУШ века в Москву в качестве дара университету. Владимир Семенович высказал свои предположения и относительно авторов маргиналий на тексте книги Ньютона. По его мнению, одним из их авторов был Дэвид Грегори – профессор астрономии в Оксфорде. Экземпляр с его маргиналиями на протяжении многих разыскивался в библиотеках ряда европейских стран и английскими историками физики было высказано утверждение, что он утерян.

К этой статье В.С.Кирсанова примыкает и другое его разыскание – «Уничтоженные книги: эхо сталинского террора в советской истории науки». Оно посвящено переводам на русский язык «Математических начал натуральной философии» Ньютона. Известно, что еще в 1914 г. А.Н.Крылов перевел и издал в Николаевской морской академии перевод книги Ньютона. В.С.Кирсанов отметил ряд некорректных мест из перевода А.Н.Крылова, которые объясняются тем, что он стремился изложить язык Ньютона на языке современного математического анализа. В 1989 г. это издание было переиздано. Но мало, кто знает, что существовал еще один перевод «Математических начал натуральной философии», который готовился к изданию в 1938 г. Но это издание не было осуществлено. В.С.Кирсанов пытается реконструировать не только издательскую судьбу этого неопубликованного перевода, но и высказать свои предположения о переводчике. По его весьма правдоподобному мнению, издание нового перевода готовилось в издательстве в Государственном объединенном научно-техническом издательстве (ГОНТИ). Этот перевод в 257 страниц был назван «Математические принципы натуральной философии». Но в конце 1938 г. был арестован главный редактор издательства С.Е.Аршон. Книги, подготовленные к публикации, были исключены из планов издательства. Владимир Семенович высказал и свои предположения об авторах перевода и восстановил их биографии. Среди них он называет В.С.Гохмана, С.П.Кондратьева, Д.Г.Беспроизванного и упомянутого Т.П.Кравцом Чакалова. Кто из них был автором до сих пор неизданного перевода «Математических принципов натуральной философии» Ньютона, требует дальнейших изысканий.

В.С.Кирсанов реконструировал и издательскую судьбу хрестоматии по истории физики ХУП века, которую подготовил Б.М.Гессен, репрессированный советской властью. Судя по плану этой хрестоматии, она представляла собой весьма полное и основательное описание генезиса классической механики, борьбы вокруг ее принципов, трактовки соотношения материи и движения у Ньютона и критики этой трактовки. Но хрестоматия дошла только до верстки, гранки которой и были обнаружены В.С.Кирсановым при разборке архива А.П.Юшкевича. До сих пор эта хрестоматия не издана.

Вл.П.Визгин, вспоминая Владимира Семеновича Кирсанова и характеризуя основное содержание его книги о научной революции ХУП в., отметил, что он «не был склонен к философско-научным построениям такого рода» (имеется в виду концепция научной революции в духе Куна –авт.), что «всё выглядит так, будто он как можно скорее стремится уйти от общих философем и рассуждений и погрузиться в живую, конкретную, многокрасочную историю ХУП века» (с.116).

Все авторы воспоминаний отмечают его элегантность в одежде, его джентльменство, любовь В.С. Кирсанова к поэзии. Он – сын известного советского

поэта Семена Кирсанова читал наизусть Бодлера, Лорку, Пастернака, Мандельштама. Он дружил в Евгением Рейном, который публикует в этой книге свои воспоминания о В.С.Кирсанове, о его помощи другу в «глухую пору листопада». Владимир Семёнович всегда был готов помогать тем, кто попал в трудную ситуацию, и умел это делать.

В последнем разделе книги публикуются стихи В.С.Кирсанова и его рисунки. Он действительно был талантлив во всём. Издательство им. Сабашниковых сопроводило это прекрасно оформленную публикацию фотографиями и рисунками-шаржами В.С.Кирсанова. Составители Н.В.Вдовиченко и О.А.Хазова издали и список трудов В.С.Кирсанова. Можно лишь сожалеть, что в избранные работы Владимира Семёновича не вошли его исследования по истории понятия «эфир», о создании Дж.Максвеллом электромагнитной теории, ряд статей, которые опубликованы либо на английском языке и отечественному читателю малоизвестны, либо в журнале «Вопросы истории естествознания и техники».

А.П.Огурцов

Е.В. Борисов, В.А. Ладов, В.А. Суровцев. Язык, сознание, мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 156 с.

В монографии впервые на русском языке проведен многоплановый компаративный анализ феноменологии и аналитической философии – ведущих философских направлений современности. Авторы предлагают методологию точечного компаративного анализа двух традиций и рассматривают концептуальное соотношение разработок конкретных авторов в конкретных тематических областях: теорий значения Фреге и Гуссерля, понятий интенциональности у Гуссерля, Грайса и Серла, прагматической теории языка раннего Хайдеггера и позднего Витгенштейна, теорий коммуникации Хайдеггера и Дэвидсона и т.п. Подобный подход позволяет обнаружить как определенные созвучия между различными школами философской мысли, так и наоборот, серьезные разногласия внутри самих этих школ.

В частности, авторы полагают, что в области теории значения позиция «аналитика» Витгенштейна периода «Философских исследований» настолько близка позиции «феноменолога» Хайдеггера (периода «Бытия и времени»), что можно говорить о единой теории значения Витгенштейна-Хайдеггера, при том что Витгенштейн достаточно радикально расходится с такими «аналитиками» как Фреге или Патнэм (не говоря уж о расхождении между концепциями раннего и позднего Витгенштейна).

Еще пример: представитель семантического платонизма Гуссерль значительно ближе к Фреге, чем к Хайдеггеру или Гадамеру. А в области философии сознания интерналист Серл ближе к феноменологу Гуссерлю, чем к аналитику-экстерналисту Райлу.

Философские акции / С.С. Неретина, А.П. Огурцов; Рос.акад. наук, Институт философии. – М.: Голос, 2011 – 243 с.

В этом тематическом сборнике, созданном по материалам он-лайн-ового философского журнала «Vox»/«Голос» (<http://vox-journal.org>), выходящего уже 4 года, помещены статьи, касающиеся прежде всего того, как авторы понимают современную философию и как они понимают свое место в ней. Статьи написаны на основе докладов на семинаре, который проходит в Центре методологии и этики науки и в котором работают люди, составляющие костяк этого журнала. Это – своего рода наша «саморефлексия как философствующих субъектов современности». Подчеркивается активность философии, ее жизнеспособность, ее поступок, свершение и форма такого

свершения, к которой в нашей современности относится не только привычное понятийно-рефлексивное движение, концептуальное и теоретическое содержание, но и игровое состояние, в котором осуществляются разнообразные переносы (тропы) смыслов и которые представляют саму нынешнюю онтологию. В термине «акция» (лат. «actio») устанавливаются титулы устанавливаются титулы собственности на мой вклад во что-то, предполагающее и риск его потери. Но в отличие от экономики, где вкладчик может потерять только ту долю собственности, которую он вложил, особенность философской акции состоит в том, что философ не может потерять больше вложенного, потому что он вкладывает в свое дело всё.

Д.Э. Гаспарян. Введение в неклассическую философию. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 398 с.

Неклассическая философия вызывает неизменный интерес читателей, увлекающихся философскими проблемами. Цель данной работы познакомить читателя с кругом основных идей и сюжетов, составляющих интеллектуальный «дух» неклассических стратегий философствования. В максимально доступной форме в книге излагаются главные расхождения неклассической философии с классической, а также обозначаются пути решения тех философских задач, которые так и не получили исчерпывающего решения в рамках классического подхода. Автор попытался собрать воедино все многообразие неклассических подходов и делает ставку на демонстрацию изначальной логики неклассического мышления, его общих принципов, мотивов и ходов.

В.В. Бибихин. Лес (hyle). Проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии. СПб.: Наука, 2011 – 425 с. – (Серия «Слово о сущем»).

(См. раздел «Отклики-отклики» настоящего выпуска).